

Ливень

Переведа дыхание, Грета присмотрелась к тучам и поняла, что они непременно прольются, раскрошив небо и пробившись сквозь ее мысли блеском молнии.

Дождь застал ее у самого подъема, мелкие капли закрывали асфальт под колесами велосипеда и кололи щеки, исхлестанные ветром. Она приподнялась на педалях и полетела быстрее ветра: каждый выдох — кулак в стенку дождя. Раскаленные ноги и напряженная спина растапливали холод последних зимних дней. Она улыбалась, глядя на лужи, образовавшиеся по обочинам дороги, вдыхая запах мокрого асфальта, прислушиваясь к сердцу, бившемуся у шеи. В первый раз на этом подъеме ей пришлось остановиться на середине пути от боли в мышцах и прервавшегося дыхания. С того дня она проехала много

километров, и дорога научила ее не уступать усталости. Сегодня она возьмет этот подъем, несмотря на грозу. Еще одно усилие — и она на вершине, еще два поворота — и все будет позади. Она повернула за первый, когда вдруг другой велосипед пролетел стрелой ей навстречу, подняв каскад брызг. В седле — высокий худой парень в мужской шляпе и без капли страха перед спуском.

Ее окатило водой. Ноги соскользнули с педалей, и Грета, ругаясь, упала на землю.

Он остановился и повернул назад.

— Прости, я тебя не заметил. Здесь обычно никого не бывает. Ты ударилась?

Грета не ответила, встала на ноги и прожгла его гневным взглядом, глаза — темнее грозового неба.

Вздвогнув, он отступил назад:

— Эй, все в порядке?

Он оглядел ее: вроде не ушиблась. Просто очень рассержена.

— У меня все в порядке. А ты чешешь по встречной.

— Да, правда, чешу по встречной, — согласился он, улыбнувшись.

Из-под шляпы показались синие глаза, прозрачные и далекие, как капли чернил, сбежавшие от слов.

Вот идиот. Чему тут улыбаться? Ничего веселого.

— Этот спуск под дождем, как... я не знаю. Ты должна попробовать.

Идиот и псих.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз.

Мириам Дубини

— Почему не сейчас?

— Потому что дождь идет. Не знаю, заметил ли ты, — бросила она, уже совершенно промокшая.

Он улыбнулся еще шире, вдыхая полными легкими заряженный электричеством грозовой воздух:

— Под дождем намного лучше.

Грета смотрела на него и молчала. Двинуть по этой счастливой физиономии или уйти? Наверное, лучше уйти. Оттолкнувшись одной ногой, она надавила другой на педаль.

— Жаль. Мне кажется, тебе бы... — начал он ей в спину, но раскаты последнего мартовского грома заглушили его слова.

Рим

В день, когда она пришла, все оказались не готовы. Закутавшись в пальто, спрятавшись под зонтами, прохожие давно перестали смотреть в римское небо. Зима была дождливая и скучная, и со временем все привыкли к монотонному течению меланхоличных и однообразных дней.

А потом началось. Она сорвалась сверху, с шумом разорвала тучу, распугав птиц, встряхнув развешанное белье и уснувшие ветки деревьев. Зонт улетел, пальто распахнулось, и пришла весна. Город покачнулся от запаха лепестков и морской соли и вспомнил о небе. Поднял глаза вверх и вспомнил о ветре. Это был тот ветер, сильный и горячий, который надувает почки, прокладывает дорогу бабочкам, рассыпает пыльцу по лугам. Это был тот самый ветер, но никто не мог вспомнить его имя.

Здоровый винт, установленный на входе в мастерскую, начал медленно вращаться от порывов ветра. Ветер скользнул в широкий коридор меж полос света, тянущихся по полу от огромных окон, забрызганных дождем. На запыленном полу выстроились в ряд десятка три велосипедов разных размеров. Ближе к входу — гоночные, чуть дальше — прогулочные и в самом углу — детские. Рамы без колес и металлические обода со спицами рисовали на противоположной стене круги и ромбы. На железных полках аккуратно разложены запчасти. Слева на кирпичной стене висели рабочие инструменты. Справа обветшавшие обои намекали на что-то вроде гостиной для уставших велосипедистов. Обстановку гостиной составляли диван с протертой кожей, абажур нерешительного желтого цвета и радио. Гвидо включал его каждое утро в восемь и выключал каждый вечер в двадцать один час. Он никогда не менял частоту и всегда мыл руки, прежде чем прикоснуться к приемнику. Он никому не разрешал притрагиваться к радио, даже своему сыну. Это была единственная вещь в мастерской, которую он считал только своей. Всем остальным он делился с другими велосипедистами.

Когда пришел весенний ветер, Гвидо реставрировал светло-зеленый «Бианки» шестидесятых годов. Пока черные от масла опытные руки возились с тормозными колодками, мысли вертелись вокруг одной гонки многолетней давности: героической. Маршрут, проложенный среди сиенских холмов по белым и пыльным тропинкам, похожим на дорожки облаков в небе. Он пришел к финишу первым,

весь в пыли и поту. При воспоминании о победе все еще пощипывало кожу, как в тот далекий день. Гвидо вдохнул аромат ветра и закрыл глаза. Между серыми усами и почти белой бородой появилась улыбка. Он встал и направился к выходу, с каждым шагом все шире раскрывая объятия, будто навстречу старому другу.

— Фавоний, — позвал он его по имени.

Ветер залетел в рукава его старой рубашки, словно обнимая в ответ, и звуки скрипок из радио растаяли в пустоте. Глухой голос произнес медленно и отчетливо:

— Аллегро из Концерта номер один си бемоль мажор Томазо Альбиниони.

Ветер остановился. Вслед за ним прикатил велосипед алюминиевого цвета. Молодой человек в шляпе въехал в коридор и, плавно затормозив, замер в шатком равновесии, балансируя на педалях.

— Почему у них всегда такой грустный голос? Ведь эта музыка — радость чистой воды, — спросил Ансельмо у отца.

— У кого «у них»? Какой голос? — не понял Гвидо.

— Этот, который говорит в *твоем* радио.

Гвидо пожал плечами:

— Он не грустный.

Нисколько не удовлетворившись ответом, парень еще несколько мгновений повисел на педальном рычаге, блуждая взглядом по потолку и пытаясь представить женщину, говорившую по радио. Представились только маленькие глазки и узловатые руки.

— Эй, — позвал его отец.

— М-м-м — рассеянно протянул Ансельмо.

— Ты что-нибудь видел?

Парень тряхнул головой и наконец уперся ногами в пол:

— Нет, ветер еще слишком слаб.

Гвидо посмотрел на винт, вращавшийся то быстрее, то медленнее под первыми беспорядочными порывами ветра:

— Но сегодня ночью он усилится.

Было еще светло, когда Грета вышла из супермаркета с двумя полупустыми пакетами. На улице ее ждал Мерлин, мужской велосипед «Ольмо» изъеденного ржавчиной лазурного цвета с массивными колесами и фиолетовым горном вместо звонка. Она повесила пакеты на руль, по одному с каждой стороны, и фыркнула. Она терпеть не могла этот балласт, мешавший быстро двигать ногами, но Грета не передвигалась без велосипеда, а ее мать никогда не ходила за покупками. Так что выбора у нее не было.

Грета медленно двинулась вдоль пустынного бульвара на окраине города, глядя на оранжевый свет фонарей. Ряд огней резко обрывался перед стеной из железобетона высотой в девять этажей и длиной с километр. Корвиале. В Риме его называют Змеюкой и говорят, что спроектировавший его архитектор, увидев плоды своих трудов, покончил с собой. Грета никогда этому не верила. Обычные истории, которые рассказывают парни на площади, сидя верхом на мопедах. Пьют, курят и рассказывают подобную ерунду.

Во всем виноваты мопеды. Ездили бы на велосипедах, не тратили бы попусту дыхание.

А вот и площадь. Мопеды, парни, клубы дыма. Как клубы пара из глотки Змеюки.

Она притормозила, свернула на другую улицу и въехала в свой подъезд.

На дверях лифта висела уже привычная табличка «НЕ РАБОТАЕТ». К многочисленным угрозам на пожелтевшем листе бумаге прибавилась еще одна: «ЧТОБ ВАС ТАЦЦИНА ПОБРАЛ».

Тацциной звали местного одноухого старика. Сам он рассказывал, что потерял ухо на войне. Он много чего рассказывал, по большей части какие-то небылицы. Угрюмый и ворчливый, он жил в Корвиале целую вечность, и здешние мамы часто пугали им непослушных детей, используя старика вместо «бабая». Пригрозить лифтерам Тацциной было последним средством. Подобно матерям, беспомощным перед капризами детей, жители дома знали, что имеют дело с упорным и безразличным врагом, который по своей воле никогда не отремонтирует лифт. Но в отличие от детей, администрация дома была лишена фантазии, а без фантазии от Таццины не было никакой пользы, и лифт по-прежнему не работал.

Прочитав надпись, Грета улыбнулась. Она живо представила себе, как Таццина, ругаясь по своему обыкновению, заставляет рабочих починить лифт. Потом она посмотрела вверх на убежавшие друг от друга и терявшиеся в мрачной

темноте лестничные пролеты, и улыбка исчезла. Семь этажей пешком с пакетами в руках и Мерлином на плечах. Привязать его внизу — все равно что подарить парням с площади. Так что выбора у нее не было.

Она добралась до этажа, с трудом переводя дыхание. Ее встретили пустая квартира и небольшая чашка на столе. В чашке лежал панированный шарик жареного риса и рядом с ним что-то еще такое же желтое: остатки из ресторана, в котором по вечерам работала ее мать. Грета взяла рисовый шарик, открыла окно, забралась на подоконник и принялась крошить рисины в темноту, глядя на неподвижный город под ногами. У нее наверху всегда был ветер — единственная достопримечательность этого места.

— Этот суппли такая гадость. Хочешь попробовать? — спросила она у ветра.

Ветер молчал. Приняв молчание за согласие, она откусила еще немного и выбросила остатки, целясь прямиком в купол Святого Петра, застывший микроскопической голубой точкой на горизонте.

Сильный порыв ветра чуть не сбросил ее вниз.

— Я же говорила — гадость, — подвела итог Грета и спустилась с подоконника, чтобы не полететь следом за остатками суппли.

Закрыв окно, она посмотрела на свое отражение в стекле. Волосы цвета светлого пепла, с левой стороны худого лица — длинная тонкая косичка, как покосившаяся полурамка. Зеленые глаза, тихие и глубокие, наполненные тем

светом, какой бывает в лесу высоко в горах. Маленькие рот и нос, терявшиеся в четко очерченной линии скул. И потом эта родинка, черная и круглая, в самом центре подбородка. Как же она ее ненавидела! Она приложила палец к подбородку, закрыв родинку и пытаясь представить свое лицо без этого ужасного пятна. Ничего не вышло. Да и к чему все это? Палец! Ее могла спасти только хирургическая операция.

Грета почистила зубы и пошла спать.

Утром новый день в школе. Подъем на рассвете, чтобы успеть в другой район города вместе со звонком на урок. Мать решила отдать ее в школу в центре, чтобы обеспечить дочери лучшее будущее.

— Не моя вина, что мы живем здесь, — повторяла она бесконечно, — это твой отец притащил меня сюда.

Пока, до наступления лучшего будущего, мать обеспечила Грете километров двадцать дороги каждое утро. До средней школы Модильяни нужно было добираться с тремя пересадками на автобусе или целый час на велосипеде. На этот раз у нее, по крайней мере, был выбор.

Ветер усилился.

На рассвете он накатывал вихреобразными волнами, а два часа спустя уже гнул вершины деревьев. Сидя в гостинице для утомленных велосипедистов, Ансельмо читал утреннюю газету, еще пахнувшую типографской краской, когда влетевший вдруг в мастерскую ветер зашелестел тонкими страницами. Винт перед мастерской стал вращаться все

быстрее, пока его лопасти не слились в сплошной вибрирующий круг. Потом оттуда донесся резкий звук: сигнал.

Ансельмо и Гвидо молча обменялись взглядами.

Время пришло.

Гвидо быстро направился к двери в глубине мастерской. Вернувшись с большой почтальонской сумкой, он протянул ее Ансельмо, который уже успел сесть на велосипед и ждал отца на улице.

— Это не надолго, — предупредил юноша, глядя в небо.

— Тогда поторопись! — ответил Гвидо.

— Пулей!

Ансельмо перекинул сумку через плечо и полетел вслед за ветром, поднявшись над седлом и широко улыбаясь.

Езда по Риму на велосипеде — это вызов судьбе. Римлянин водит машину не для того, чтобы перемещаться из одного места в другое самым быстрым и удобным способом. Римлянин водит машину, чтобы напомнить всему миру, что он — житель Вечного города. А значит, у него всегда главная дорога. Соблюдать правила дорожного движения — все равно что пить капучино из пластикового стаканчика: можно, конечно, и в этом даже нет ничего зазорного — но разве его сравнить с капучино из чашки?

— А какая разница? — спросил однажды Ансельмо, не скрывая удивления.

Ему ответил Шагалыч, его ровесник, но во всем остальном его полная противоположность. Он попал в мастерскую после того, как разбил свой велосипед, выполняя слишком

смелый трюк, особенно если учесть, что весом паренек был далеко не с пушинку. Потом, уже починив велосипед, он, как многие другие, решил вернуться. Так было всегда: Гвидо предоставлял в твое полное распоряжение свои инструменты и свой опыт и просил в обмен небольшой взнос за починку, хотя сам он редко ремонтировал. Он говорил тебе, как и что делать, и ты делал. Научившись, ты мог научить кого-нибудь другого, и это было так здорово, что ты возвращался в мастерскую снова и снова.

Шагалыч вернулся на отремонтированном велосипеде и, чтобы убить время, принялся малевать на раме маленьких розовых поросят. У него явно был талант, и вскоре завсегда и мастера мастерской попросили его украсить и их велосипеды. Они и прозвали его Шагалыч (как французско-русский художник Шагал, только по-домашнему). Ему так понравилось рисовать, что он стал расписывать все подряд, начав со своих футболок. Он менял их беспрестанно и разукрашивал забавными, мягко говоря, картинами с сюжетами на велосипедную тему.

Довольно быстро он стал в мастерской своим человеком, клиенты просили его расписывать велосипеды, и теперь улицы Рима были запружены двухколесными шедеврами. Ромашки, полоски, крапинки, пламя, стрелы и молнии: Шагалыч мог воплотить любую фантазию в обмен на капучино — но только в чашке, никаких пластиковых стаканчиков.

— Ибо так лучше, — неизменно добавлял художник по велосипедам.